

* * *

И волки внутренние целы,
и овцы, собранные в стадо.
Жизнь, пролетевшую без цели,
переосмысливать не надо.

Перетерпеть, переболеть и
лететь в литейном полумраке,
минуя внутренние клетки,
предупреждающие знаки.

Как январь не отзывали,
как дух знобило в чёрном теле.
Мы что-то пили на вокзале
и дальше ехать не хотели.

* * *

Который год всё тот же старый год,
и тот же зверь, всегда идущий рядом.
По-прежнему живём, не чуя под,
и город называем ленинградом.

Десятком слов коротких и простых
всё можно рассказать про эти зимы,
где в чёрном небе трубы и кресты,
где благодать и дым неотличимы.

Молчи же, никому не открывай,
замри и наблюдай в оконной нише:
увидишь заблудившийся трамвай
и девушку поющую услышишь.

* * *

Ничем не заполняя пустоту,
оставшуюся вместо октября,
смотри: деревья больше не растут —
им никакого дела до тебя.

Здесь проще оставаться налегке,
не выбирая меньшее из зол.
Прогулочный кораблик по реке
проходит мимо. Ну, не повезло,

махни вослед — его вина не в том.
Исписанные выброси листы.
Как хочется оставить на потом
ещё немного этой пустоты.

* * *

Передохни до зрелой седины,
пока не замело, не занесло.
Пока мы как-то соединены
бессмысленными столбиками слов.

Пока Литейный в белых фонарях,
и разливают терпкое мерло
в осенних подворотнях января;
пока нас насовсем не прервало.

А после просто всё перечеркнуть
и набело переписать сюжет —
про небо, серебристое как ртуть,
ни для чего не годное уже.

* * *

Когда про нас забудут патрули-хранители, для жизни бесполезных,
прикрой глаза, расслабься и рули по переулкам петроградской бездны.
Здесь всё знакомо, каждый поворот, здесь вечный Блок в стареющей шинели.
Сожгли библиотеку. Мёртвый сброд. Нам было поздно, мы и не успели.
Кому нужны холодные стихи в мелодии осеннего хардкора.
Мы стали одинаково тихи, ходили незаметно и нескоро.
В соцветии рябиновых молитв садится солнце в облачном кадиле.
Так пусть никто ничто не сохранит. Как, слава Богу, нас не сохранили.

* * *

Не станет лучше, потому что
самообман — стремиться ввысь.
Включай свою *besame mucho*,
на пароходике катись
сквозь фонарей прозрачных россыпь,
где держит ангела игла.
Тебя вытаскивала осень,
но в этот раз не сберегла.
Всё будет медленно и длинно:
каналы, каменные львы.
Как постучать по пианино,
не слыша музыки, увы.

* * *

Как будто белая река,
и берег еле осветили.
Трамваи в красных плавниках,
дворы затопленных флотилий.

Все зимы собраны в одну,
всех примиряющая скука.
Мы учимся ходить по дну
и разговаривать без звука.

Не трогай прошлого, не рань,
смотри, как плавится и тонет.
И только красная герань
на сером падающем фоне.

* * *

Вот прилетают белые врачи
и говорят: не делай то и это.
Не делай, не противься, промолчи —
и так придёт сороковое лето.
И машешь, машешь, просишь: захвати,
волшебник, ангел, ветер издалече.
И фоном вдалеке Эрик Сати.
И, как и время, музыка не лечит.